

МАРСЕЛЬ МАРСО ПОДВОДИТ ИТОГИ

ПОСЛЕДНИЕ СОЛЬНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ **Почему распалась труппа** **От стилизаций к сатирическим обобщениям** **Бип образца 1975 года.**

МАРСЕЛЬ МАРСО снова выступает в Париже. Завершив турне по Франции, дав спектакли на Авиньонском фестивале драматического искусства, знаменитый мим показывает в Театре Елисейских полей свою последнюю программу: «Ретроспектива 1947—1974» и «Творения-1975». Последнюю — потому, что затем Марсель Марсо намерен осуществить свою мечту — открыть в Париже театр-студию пантомимы. Возможно, уже скоро мы увидим Марселя Марсо с учениками в целых пантомимных спектаклях, а сейчас, как ни печально, мы прощаемся с этим «человеком-театром».

— Я дебютировал почти 30 лет назад, создав образ Бипа на сцене «Театр де Пош», — сказал Марсель Марсо на одной из последних репетиций, отвечая на первый вопрос вашего корреспондента. — Вскоре я основал труппу пантомимы, которая существовала с 1948-го по 1950 год. Мы поставили 20

спектаклей, я называю их «мимодрамы», особую известность получили: «Шинель» по Гоголю, «Париж смеется. Париж плачет», «Пьеро с Монмартра», «Маленький цирк» и некоторые другие. В моей труппе работали актеры, добившиеся затем известности: Жиль Сегаль и его жена Сабина Лодс (кстати, они познакомились в труппе), Жак Фаббри.

— Так почему же труппа распалась?

— Нам не оставалось ничего другого: мы были лишены финансовой поддержки. Такова культурная политика нашего общества. Судите сами, в 1956 году мы были обосновались в «Театр де л'Амбигю» (теперь там разместился банк), ставили мимодрамы по пьесам известных драматургов, привлекали к музыкальному оформлению спектаклей видных композиторов — Жозефа Косма, Жана Вилера. Продюмидеса, работал для нас и Жак Но-

эль, художник-декоратор, именно в нашем театре обретший свой стиль, который принес ему славу. Труппа пантомимы уже влила свежую кровь в театр как таковой, мы могли давать представления хоть круглый год ежедневно, обеспечивая тем самым существование труппы. Но нам как воздух нужны были субсидии, наши творческие замыслы росли вглубь и вширь, однако субсидий не было...

— И дальше вы пошли уже в одиночестве?

— Да, начался второй этап моей жизни: гастроли, гастроли, гастроли... Я выступал в 66 странах мира, особенно часто в Советском Союзе (пять раз). Приятно, что эти поездки не прошли бесследно, и во многих странах, где я побывал с концертами, сейчас образованы свои труппы пантомимы.

— Ваш Бип известен всему миру. Как вы пришли к этому образу?

— Бип — наследник Пьеро из французского народного театра, но если Пьеро всегда действует в окружении других персонажей и декораций, то Бип один на сцене. Его окружает

невидимое нечто, и он делает это нечто видимым, в одиночестве, борясь с пространством, временем, силой тяготения. Бип — скульптор, но ваяет собственным телом. Так я начинал, однако вскоре Бип приобрел значимость, стал индивидуальностью, появились пантомимы исключительно в его стиле.

— И что же представляет собой ваша последняя программа?

— Фактически я показываю четыре разных спектакля — всего 54 сценки, из них 15 новых импровизаций. Их можно разделить на два типа — стилизации и пантомимы Бипа.

Стилизованная пантомима достигла сейчас больших высот. А началась она с демонстрации выразительных возможностей человеческого тела, например, я иду против ветра, балансирую на канате, поднимаюсь по лестнице. Зрители поражены, воспринимают номер как фокус, ведь на самом деле нет ни ветра, ни каната, ни лестницы, но иллюзия полная.

— Подобное совершенство, видимо, далось длительными поисками?

— Конечно, однако в этом и заключается техника пантомимы. Балетное искусство, например, создает иллюзию невесомости танцоров. Мы же пошли дальше, научились создавать иллюзию пространственных характеристик того или иного предмета или образа: вес, размеры, направление движения. Это и поражает зрителей.

Как я сказал, подобные стилизации были в самом начале, затем я пришел к сатирическим обобщениям. Сценки типа «Бюрократы», «Трибунал», «Клетка» поднимаются уже до уровня социальной критики. Пантомима, таким образом, способна разоблачать несправедливость, насилие, указывая на содеянное зло. Я вообще считаю, что пантомима — это целиком политическое искусство, ибо она свидетельствует времени.

— Все эти сценки вы объединили под названием «Ретроспектива 1947—1974»?

— Это мое последнее сольное выступление, и хотелось как бы подвести итоги. Те, кто знает меня и следил за моими спектаклями, смогут увидеть знакомые и забытые номера, молодое поколение, наоборот, сумеет познакомиться с ними. Сейчас не 1967 год, когда, помнится, на запрос депутата-коммуниста в Национальном собрании тогдашний министр культуры Андре Мальро ответил, что у правительства нет

Разные лица Бипа (Марселя Марсо).
Фотомонтаж «Нью-Йорк таймс».

денег на театр пантомимы. Сейчас молодежь, особенно артистическая, стремящаяся к новым формам, полюбила этот жанр.

— «Творения-1975» — это новые импровизации Бипа. Как же ведет себя ваш герой в современной обстановке?

— Бип изменился с тех пор, как был «ловцом бабочек» или «укротителем». Ему теперь приходится решать проблемы технического века, интересующиеся развитием науки, космонавтики. Но вопрос из вопросов для него один: разрушение или прогресс? Возможно, Бип напоминает Дон Кихота, сражаясь с ветряными мельницами XX века. Еще он

продолжает линию «маленького человека» из эпохи немого кино, в нем есть что-то от Чарли Чаплина. В общем, Бип возмужал, сохранив, однако, свою наивность, неизменные цилиндр, красный цветок и белую маску.

— Место художника в обществе, каково оно, по вашему мнению?

— Художник должен быть, как говорил Поль Элюар, «всевидающим братом», должен показывать человека способным на свершение всего того, что дает надежду человеческому существу, способным подняться и над самим собой, чтобы победить. «Юманите» — «За рубежом».